

Мои воспоминанія объ Архіепископѣ Аѳанасіѣ.

Астраханцы знаютъ, что любимый ихъ Архипастырь, нынѣ скончавшійся Пресвященный Архіепископъ Аѳанасій, живя на покоѣ, прежде въ Покрово-Болдинскомъ монастырѣ, а потомъ въ Иоанно-Предтеченскомъ, послѣдніе годы своей жизни провелъ въ глубокомъ уединеніи. Новости Астраханской жизни, съ ея неизбѣжными житейскими тревоженіями, совершенно ему были чужды... Строгое уединеніе, веденное имъ въ послѣдніе годы жизни, конечно, не давало возможности жителямъ города Астрахани слѣдить за проявленіями его внутренней духовной жизни. Были примѣры, что его по цѣлымъ недѣлямъ, даже мѣсяцамъ, не видѣлъ никто изъ братіи монастырской. Но тѣмъ не менѣе могучій духъ его жилъ въ немъ не созерцательно только, нѣтъ! Почившій Архіепископъ, не смотря на строгое свое уединеніе, проявлялъ, по словамъ Божественнаго Пастыреначальника, „свѣтъ добрыхъ^{ств} своихъ дѣлъ“ во очю другихъ! Я имѣлъ счастье быть наблюдателемъ нѣкоторыхъ случаевъ его добродѣтельной жизни и считаю долгомъ подѣлиться ими съ читателями „Епархіальныхъ Вѣдомостей“.

Живя на Казачьемъ бугрѣ, а часто, особенно лѣтомъ, замѣчалъ проѣзжающаго мимо квартиры моей Архипастыря Аѳанасія. Появленіе глубокоуважаемаго Архипастыря всякій разъ объяснялъ себѣ обыкновенною прогулкою и желаніемъ освѣжить себя послѣ какихъ-либо усидчивыхъ трудовъ свѣжимъ загороднымъ воздухомъ, а такому появленію его въ моемъ приходѣ не давалъ

особеннаго значенія; но обстоятельства случайно вывели для меня слѣдующее.

Разъ, въ вечернее время, свободный отъ службы, я отправился на Казачій ерикъ поудить рыбы. Погода стояла прекрасная. Воздухъ чистый, тонкій, свѣжій. Деревья въ Казачебугровской рощѣ, какъ стройныя свѣчки, съ кудрявыми своими верхушками, облитыя ярко-пурпуровымъ свѣтомъ лучей заходящаго солнца, представляли какую-то громадную горящую лампаду; въ лѣсу не шелухнетъ. Расположившись подъ тѣнію сочныхъ вѣтвей тѣнистаго дерева — на берегу ерика, покрытою сплюшною бархатистою зеленью, я съ минуту на минуту выжидалъ клѣва.. Вдругъ слышу хрустъ сухихъ вѣтвей, оборачиваюсь и вижу сквозъ чащу деревьевъ, вдали отъ меня, карету Архіепископа Аванасія; вотъ раскрылись дверцы и появился старецъ Архіепископъ. По чувству глубокаго уваженія къ Архипастырю, опасаясь нарушить его уединенную прогулку, я хотѣлъ было тотчасъ-же удалиться, но не могъ сдѣлать этого, потому-что, выдѣляясь изъ тѣни дерева, я легко могъ быть замѣченнымъ; а мнѣ почему-то не хотѣлось быть замѣченнымъ. Помню, — непроизвольно я какъ то растерялся и, притаявъ дыханіе, просто какъ приросъ къ берегу! Тутъ я увидѣлъ вотъ что: Преосвященный подошелъ къ одному дереву, ухватился обѣими руками за нѣжныя вѣтви его и, простоявъ въ такомъ положеніи минуты двѣ—три, онъ вдругъ преклонилъ колѣна, водвѣлъ руки къ небу и сталъ молиться, — молился онъ довольно долго..

На слѣдующій день, лишь только вошелъ я въ Казачебугровскую школу (я состоялъ въ то время учителемъ и законо-учителемъ той школы) и прочитана была молитва предъ ученіемъ; мнѣ нѣкоторые мальчишки съ восторгомъ заявляютъ, что имъ Архіепископъ Аванасій подарилъ книжки. Заинтересованный этимъ, спрашиваю и узнаю слѣдующее: мальчишки бѣдныхъ родителей ходили въ рощу за сушками^(*) и валежникомъ, встрѣтили тамъ Архипастыря (они знали Архіепископа Аванасія, онъ неоднократно служилъ въ Казачебугровской церкви) и рассказывали, что они видѣли молящагося Архипастыря, который подошелъ потомъ къ нимъ, благословивши ихъ, заставилъ прочитать Оумвольъ вѣры и въ награду обдѣлилъ ихъ книжками; которыя были въ запасѣ у него въ каретѣ. Такъ-какъ мальчишки, завидѣвъ карету, всегда такъ радушно, какъ къ отцу, подбѣгали къ Преосвященному Аванасію за благословеніемъ, то онъ и ни разу не вѣдиль въ приходъ мой безъ

(*) Сухія вѣтви.

книжечекъ. Мальчики и теперь еще, какъ мнѣ извѣстно, берегутъ свои подарки, какъ святыню. Подобное вниманіе Архипастыря я всякій разъ старался запечатлѣть въ юныхъ сердцахъ своихъ учениковъ и я убѣжденъ, что они долго, долго не забудутъ нѣжныхъ отеческихъ ласкъ его.

Неоднократную раздачу книжечекъ бывшимъ моимъ ученикамъ считалъ особенною милостию Архипастыря не только къ ученикамъ, но и ко мнѣ лично, потому что онъ тѣмъ самымъ, приохочивая дѣтей къ занятіямъ, какъ-бы помогая моему труду; я очень долгомъ выразить мою глубокую благодарность предъ Архипастырёмъ. Отправляюсь къ нему въ Иоанно-Предтеченскій монастырь. Такъ-какъ у покойнаго Преосвященнаго прислужникъ былъ одинъ, который въ то время, какъ оказалось, былъ отосланъ на почту; то мнѣ пришлось минуя десять быть въ ожидательномъ положеніи, и, можетъ быть, болѣе, если-бы самъ Архіепископъ не слышалъ моего движенія въ передней и самъ не открылъ мнѣ дверь. Долгую, какъ-то особенно-бдущевленную бесѣду его, въ то время, со мною: о движеніи народнаго образованія у насъ въ Россіи, о вліяніи духовенства на народъ; потомъ о старокатоликахъ, я никогда не забуду. Въ заключеніе подарилъ цѣлый узелъ книжечекъ для раздачи ученикамъ и ученицамъ и даже самъ, какъ добрый отецъ, собственноручно помогая мнѣ завязывать узелъ, одну-же клиту съ собственноручною надписью на память и въ благословеніе подарилъ мнѣ. Въ числѣ такихъ книгъ подарена мнѣ одна проповѣдь его сочиненія въ день Св. Пасхи, сказанная въ Александровской лаврѣ въ бытность его ректоромъ С.-Петербургской Академіи. Въ этой проповѣди онъ разсуждалъ тогда о тайнахъ загробной жизни и будущемъ воскресеніи мертвыхъ; истину которыхъ (тайнъ) теперь уже совершаетъ, какъ небожитель.

Господи, сподоби твоею милостію Тебѣ причащаться въ не вечернимъ дни царствія Твоего!

Военный Священникъ *Густинъ Перестыловъ.*